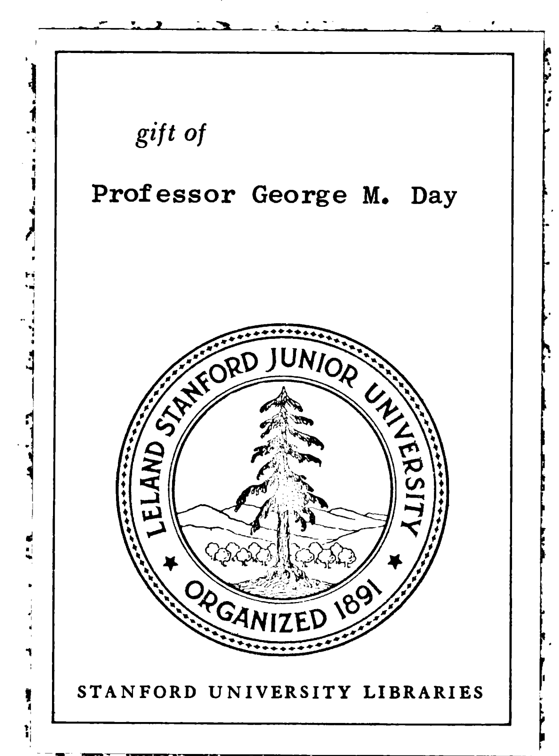
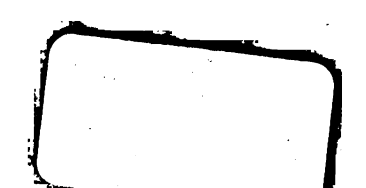

СКИФЫ
БЕРЛИН

OLGA FORSCH

RABBI

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN W 30
1922

А. ТЕРЕК
(ОЛЬГА ФОРШ)

РАВВИ

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕИСТВИЯХ

(ВКЛЮЧЕНА В РЕПЕРТУАР
„МАСТЕРСКОЙ ПЕРЕДВИЖНОГО ТЕАТРА"
В ПЕТЕРБУРГЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИФЫ" / БЕРЛИН
1922

РАВВИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Владимир Иваныч Лопухин — профессор
Андрей Иваныч Лопухин — его брат
Владыко
Пастор Вернер
Пастор Гельбах
Мария — невеста его
Агния
Доктор Рубахин
Берген
Мать Агнии
Старая Теософка
Молодая Теософка
Дама
Вторая дама
Молодой человек
Евменыч
Король
Чающий Чуда
Нелюба
Полюба
1, 2, 3 — Безмолвники
Фрау Клотильда
Евдокия Семеновна
Ваня
Дарьюшка
Пристав
Студенты
Курсистки
Юнцы
Прихожане церкви

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Сцена первая.

Журфикс у профессора Лопухина. Большой кабинет. Стародворянская усадебная обстановка. Огромный угловой диван, на нем молодежь: курсистки, студенты, просто юнцы. Сбоку на отлете старичек — чиновник; скромно сидит, попал сюда в первый раз. По стенам старинные портреты, фотографии славянофилов, Соловьева . . . . Сбоку длинный стол, на нем самовар и прочее чайное. Пожилая девица Евдокия Семеновна разливает чай, мальчик Ваня бесшумно разносит гостям. При поднятии занавеса аплодисменты. Лопухин, стоя посреди, окончил что-то говорить.

Завороткина. Владимир Иваныч — вы новый Златоуст! Теософия разбита Вами вдребезги!

Берген (привстает). Я Вам, Владимир Иваныч, особенно благодарен, так сказать — индивидуально. Хочу писать роман — чувствую интуитивно, вы обосновали . . . Вериги сняты!

Завороткина. Владимир Иваныч, теперь я знаю; в моей душе камертон ортодоксальности.

Диван (поют). До, соль, ля, ре, ми, фа!

Лопухин (грозит дивану пальцем).

Завороткина. Да именно — камертон. Едва начну соблазняться ересью — тоска. Как чудесно вы сказали: история церкви — непрерывность цепей . . . прочее все осколки и кружатся, кружатся! Я это просто физически ощущаю: от теософских семи тел, и Кармы и Дхармы — ну головокружение.

Старая Теософка. Гораздо легче, Вера Степановна, найти у вашей Монтессори, которой вы так поклоняетесь, целый ряд нелепых положений. Представьте, господа, хоть подобное упражнение воли: воспитательница говорит ребенку: — поцелуй меня! — он потянется, уж он протянет губы, и вдруг она: — ноль раз! Да, да, и ребенок должен немедленно застыть с вытянутыми губами.

Завороткина. Это искажение, хотя в таком роде действительно есть упражнение, и что же — метод препохвальный. Развитие задерживающих центров... Да в этом методе возраждение интеллигенции, быть может даже весь наш славянский вопрос.

(На диване хохот; вытянув шею, то один, то другой чмокают в воздух).

Старая Теософка. Не будем спорить, Вера Степановна. Для теософа убедительнее слов — незримые флюиды. Владимир Иванович, я приглашаю вас, в виде исключения, на наше закрытое заседание и уверена, вы не замедлите погасить созданную вами дурную карму вашего осуждения теософии ее же апологией.

Лопухин. Едва ли оправдаю ваши надежды, но за приглашение благодарю.

Молодая Теософка. Ах, закрытые заседания! Это окно... окно в ментальный мир. Прошлый раз было потрясающее сообщение нашего члена ясновидящей. Представьте: Наполеон воплотился.

Диван. Кайзер Вильгельм?

Молодая Теософка. Ничего подобного. Сейчас время ускореннейшей кармы. Наполеон — мамка.

Диван. Ма -амка! УА! УА!

Молодая Теософка. Ну да, обыкновенная мамка. Та несчастная, которая должна кормить не своего,

а чужого ребенка. Это ведь закон . . . закон . . . Алина Карловна?

Старая Теософка. Закон обратного удара. Наполеон был слишком горд, у редкой матери не отнял сына . . .

Агния. Значит он кормит только мальчиков? А я уже обрадовалась, что он мог быть моей мамкой. Иду, травлюсь! Ведь следующее воплощение обратное?

Диван. 1. возить мамку по гастролям . . .
2. для поднятия военных доблестей страны!

Агния (перебирает ногами). Иду, иду травиться!

Старая Теософка. Милочка, не говорите пустяков: за самоубийство душа так долго пребывает в низшем астрале, что Наполеон успеет развоплотиться из мамок, как вы снова появитесь в земном теле!

Молодая Теосовка. И появитесь в искаженном виде: горбатая или слепая. За самоубийство ведь карма уродства, Алина Карловна!

Старая Теософка. Именно: карма уродства!

Агния. Отчего все теософки помнят то же самое. Как они были Жан Д'Арками и Мариями Антуанетами?

Диван. И каждая красавицей!

Агния. Закон обратного удара, разве не слыхали?

Берген. Агния!

Старая Теософка. Не волнуйтесь! На нелюбезность вашей дочери — мы не реагируем . . .

Молодая Теософка. Физическое тело — шелуха! —

Агния. Зачем же шелуху так расфрантили?

Диван. Или? гм, гм . . . или? . . .

Берген. Агния, дерзко! *(понизив голос)* и для писательницы неумно, впечатления надобно копить, а не расточать.

Агния. Не желаю я ни писать, ни читать!..

Берген. Чего же еще делать можно?

Агния. Жить! Просто, напросто — жить!

Молодая Теософка. Но это же задача одних элементалей.

Диван. Тали и Али. В точку. Тали и Али...

Старая Теософка (молодой Теософке). Милочка, вы путаете: элементали еще не начали жить, это те, вторые...

Входит Ваня (докладывает Лопухину).

Доктор Рубахин и Ваш братец Андрей Иваныч. Только Андрей Иванычу входить не хорошо, они плохо одевши, там, говорят гости.

Лопухин (взволнованно). Извините, господа. Брат нежданно приехал, я вас на минутку покину *(уходит)*.

Диван. Это он из тюрьмы!
Выскочил и на этот раз!

Агния. За что он в тюрьме сидел?

Берген. Что за вопрос? Разумеется не за кражу. Идейный человек...

Завороткина. Целых полгода отсидел! Еле Владимир Иванович высвободил. Что ему бедному с этаким братом хлопот!

Старая Теософка. Однако не разойтись ли нам раньше по домам, братьям лучше побыть одним...

Диван. Разойдемся *(все встают)*.

(Входит Лопухин и Андрей, дикий юноша в блузе. За ними доктор Рубахин — здоровое доброе лицо, без претензий.)

Лопухин. Пожалуйста, останьтесь господа, сейчас к нам будут редкие гости: Владыка Петр, проездом в столицу, и молодой пастор Гельбах.

Андрей. Лучше я к тебе завтра.

Лопухин. Нет, Андрей, именно тебе будет интересен этот пастор, скоро его опять не залучить —

преоригинальный индивид. Доктор, он вам наверное сказал, что будет?

Рубахин. Да, он в очень преподнятом настроении, обходит весь город, и даже мало знакомых зовет на свою воскресную проповедь. Он с ней что-то связывает очень важное.

Лопухин. Он таки решился наконец выступить в кирхе. Это меня радует. После прошлогоднего ужасного случая он хотел было сложить сан. И с чашей до сих пор не выступал.

Заворожкина. После завтра в воскресенье как раз год ужасной катастрофе в Лютеранской церкви: смерть 9 человек у всех на глазах перед чашей. Но я этого Гельбаха, откровенно говоря, не понимаю, чего он так расстроился. Старший пастор Вернер давно опять весел и благополучен, он прав: ведь во всем виноват один старик Кистор.

Агния. Я бы на месте пасторов потеряла всякую веру и пошла бы в разбойники.

Андрей. Почему именно в разбойники.

Агния. Ну, конечно в хорошие разбойники . . . Но все таки делать все что захочешь . . . Я понимаю так: или делать как хочет какой то там Бог, или только так, как сам хочешь. Посредине телячий студень.

Диван. Всякий студень — тру-тень!

Андрей. Вот как вы думаете? Однако, скажите толком в чем дело этого пастора?

Агния. Скучно рассказывать. Во всех газетах звонили, глаза намозолили. Особенно благонамеренные статьи верующих: пытались всеми силами яд обезвредить. Да разве вы не читали.

Андрей. В тюрьме газет не дают.

Агния. Ах, простите, простите . . .

Берген. Агния. Опять экспансивность.

Агния. Доктор! Расскажите Андрею Ивановичу про историю в кирхе; ведь пасторат рядом с вами.

Рубахин. Да, пасторат совсем рядом с моей больницей, и представьте, больные ужасно любят пастора Гельбаха. Он часто приходит, играет с ними на лужайке, как гимназист. У меня ведь особое лечение нервно-больных.

Агния. Больные доктора — самые интересные люди города.

Мать. Агния!

Завороткина. Отчего же вы не изберете и общество?

Агния. И непременно изберу! Доктор, да расскажите о пасторате, раньше чем вкатится владыко Петр. Я его раз видала: это не человек — бревно какое-то, все от него отскакивает. Говорить при нем невозможно . . .

Дама. Я не понимаю, милая, что у вас за речи . . . К тому же Владыко est très bien, совсем в меру, а не толст . . .

Агния. Ха, ха! Бревно — это я символически!

Диван (хором). Символизм, аферизм, катаклизм, что на изм.

Дама. Вы там, довольно дурачества. Доктору сказать не даете.

Рубахин. В пасторате, в прошлом году, было как говорится, сенсационное происшествие. Только что, взамен умершего младшего пастора приехал сюда новый — Гельбах. И вот как раз перед первой конфирмацией, в которой он принимал участие в качестве помощника пастора Вернера, старичек кистор, после чистки церковных сосудов, позабыл их основательно вымыть, и пастор, давая причастие, отравил несколько человек, которые тут же в церкви и умерли. Все это в свое время было

в газетах. Дело в том, что в состав чистки сосудов, входит цианистый калий.

Ваня. Владыко Петр и старший пастор.

Лопухин идет в переднюю, некоторое время там разговаривает с пришедшими.

Агния. Как жаль, а обещали молодого . . .

Доктор. И молодой вам будет, потерпите старого!

Старая Теософка (молодой). Дорогая, вам пора на закрытое заседание, а я останусь здесь. Для нашего общества так важно установить связь между духовными выбрациями нашего города.

Диван. Владыка из гусар?
Нет, Николаевского Кавалерийского,
Где был Лермонтов?
А дернем-ка Владыке . . Звериаду . . .
Кто мотив знает: тяните!

(*поют*). „Собрались звери все вокруг.
Бес-смы-сленных ба-ра-нов стадо!“ . . .

Дама. Тише вы! Перестаньте шалить! (*Другой даме*). У Владыки французский прононс. Парижанка.

Другая дама. А выправка. На опытный глаз, сейчас видать — военная.

Диван. На анекдоты мастер.

Дама. Тсс . . .Идут.

Владыко Петр, Пастор Вернер.

Владыко высокого роста, плотен, с проседью; свободные хорошие манеры, громкий голос, отлично смеется. Пастор Вернер маленький, толстенький, лицо приятное, несколько детское, лоснится от чистоты, седая крепкая голова. Не ходит, а легко перекатывается с места на место.

Владыко. Пастор Вернер оказывается зашел за мной совсем не безкорыстно, а с миссионерскими намерениями. Словом, как в чьей-то добродетельной

были, а вернее небылице про людоедов и миссионеров... Ввиду общей опасности быть оскальпировану и с'едену с аппетитом, представители разных церквей об'единились, чем натурально умножили силу благодати. И не только не пошли на ужин, но окрестили сих последних в реке Лимпоп, она же река Крокодилов. С подлинным верно, девица?

Агния. Я таких глупых историй не читаю.

Мать. Агния! Агния!

Владыко. Как иная лошадка, ваша барышня с норовомъ.

Завороткина. Владыко Петр. Но кто же тот людоед, против которого соединились здесь присутвующие церкви?

Владыко. Представьте: скромнейший и тишайший пастор Гельбах!

(Старый Вернер, о чем то говоривший с Лопухиным, волнуется и сильно жестикулирует коротенькими ручками).

п. Вернер. О, Ваше Преосвященство, христианская скромность не есть вовсе добродетель молодого пастора. Внешнее благопристойное поведение, очень часто, только та волкова шерсть или кожа, или как это в пословице...

Диван. Овечья шкура.

п. Вернер (кланяется). Очень благодарен. Именно, внешнее благопристойное поведение есть очень часто та овечья шерсть...

Агния. Да шкура, шкура.

Пастор (кланяется). Очень благодарен. Именно: овечья шкура, в которой помещается...

Агния. Волчья шерсть!

Пастор. Именно волчья шерсть!

Диван (тихонько блеют и рычат. Все смеются).

п. Вернер. И как раз про этот случай с пастором Гельбахом, с таким предупреждением сказано от Матфея, глава . . . но это я знаю только по немецки.

Агния. И слава Богу.

Берген. Агния!

Владыко. Но чем собственно досадил вам молодой пастор. Я видал его год назад, проездом через ваш город еще до несчастного случая в пасторате, и признаюсь, у меня впечатление, что он диковатый, но очень скромный человек.

п. Вернер. О, он молчит, *но он думает.* И я боюсь — *он придумал.* После завтра его проповедь, он выйдет давать причастие своим конфирмантам и я очень боюсь. Он может сделать что-нибудь такое! Aber etwas ganz Extravagantes! То-есть такое, что для евангелической церкви совсем не подходящее и господин суперинтендент мне очень может делать выговор. И я пришел сюда просить, чтобы вы, владыко, и вы уважаемый пр. Лопухин помогли мне уговорить п. Гельбаха отдохнуть недели две в лечебнице любезного доктора Рубахина, кстати он любит посещать вашу лечебницу, г-н доктор.

Рубахин (сухо). Да, он часто заходит к нам и прекрасно действует на моих больных. Сам же он, по моему мнению, в лечении не нуждается.

п. Вернер. О, это вторичная иллюзия относительно пастора Гельбаха. Он, повторяю, совсем не скромный человек, а второй — *(крутит около лба)* он несколько неблагополучный человек. Разве здоровый может до сих пор так отнестись к событию в пасторате. На все воля Божия. Это было, конечно, очень большое несчастие — умерло 9 человек, но повторяю — это воля Божия, ведь сказано: Kein Haar и так далее. И почему п. Гельбаху до сих пор менять весь свой цвет лица при одном упоминании об этом факте? Но главное: он на этом

случайном событии что то построил. И прошу об'яснения: от его руки умер всего один причастившийся, а от моей руки остальные восемь человек. И вера моя не поколебалась. Как дитя я сказал: Господи, Dein Wille geschehe! прошу об'яснения.

Агния. Математическое и самое точное: Ваша вера ровно в восемь раз больше веры пастора Гельбаха и в бесконечность больше моей. Моя нуль!

п. Вернер. Я на вас не сержусь. Злой язык и одно доброе сердце, — я ведь знаю.

Лопухин. Я думаю об'яснение в том, что пастор Гельбах слишком широко применяет данную в вашей церкви свободу личного исследования, он слишком вольнодумствует...

п. Вернер. О, эта свобода должна быть ограничена у каждого благоразумного пастора исповеданием *государственной церкви.* Иначе он свободен держать свою проповедь не в кирхе, а на базаре, в лесу или даже в хлеву!

Диван. При наидостойнейших прихожанах!!

Владыко. Разволновался. И не даром. *От твердых-то границ небось отказались?*

Лопухин (п. Вернеру). В защиту преемственности благодати Владыкой Петром недавно издана изумительная книга, вы читали.

Владыко. Полноте, Владимир Иванович! Мы с пастором не повторим ошибки иных вселенских соборов. Мы пришли об'единиться... для начала хоть за чайным столом. *(Берет пастора под руку, садится к самовару. Евдокия Семановна наливает чай).*

п. Вернер. Извините, я чай потом буду пить. Я лучше приведу сюда сейчас пастора Гельбаха. Он плохо соображает время и может придти поздно, когда все уйдут, сейчас он по близости, я его приведу *(уходит).*

Андрей. Владыко, разрешите мне задать Вам вопрос по поводу этой упомянутой братом вашей последней книги?

Владыко (с самодовольным удивлением). Если не ошибаюсь, вы брат Владимира Иваныча, только что выпущенный из тюрьмы, я знаю как он хлопотал о вас. Что же, неужто книга моя включена и в тюремную библиотеку?

Андрей. И преимущественно выдается одиночным и как утешение смертникам.

Лопухин (подходит к брату). Андрей, пожалуйста.

Андрей. Не бойся, буду коректен.

Владыко. Владимир Иванович, прошу вас, не оберегайте мой сан, к тому же во мне жива военная косточка и я всегда рад бою *(Андрею)* Ну - с, ваш вопрос?

Андрей. В вашей книге главное положение мне показалось чудовищным . . .

Лопухин. Андрей, пожалуйста!

Андрей. Ну скажем, чудовищным парадоксом. Вы утверждаете, что, так называемая, благодать изливается через единое русло, именуемое церковь, а все прочие пути . . .

Владыко. Нет прочих путей.

Диван. (На распев в перекличку). Па-па Борджиа. Цезарь Борджиа. *Все. Все.* Ad majorem gloriam Dei.

Агния, Если нет других путей и это не путь. Неужто рука, что давала знак на убийство и пытки, держа чашу в то же время был проводником . . . Да какой же благодати?

Берген. Агния! Простите владыко, она по молодости . . . не знает, что говорит.

Агния. Очень знаю.

Лопухин. Я полагаю, что остротой, и, так сказать, э-ле-мен-тарностью, поднятых тем, неудобно нам утруждать владыку, столь редкого у нас гостя.

Владыко. Напротив, очень рад. Не все же громить с кафедры; *(добродушно, стариковски).* Эх, чада, ума бы вам надо; лукавите, подрываясь, сами не ведая подо что. А ну-ка я вас спрошу: если *осла* нагрузить *бриллиантами,* оттого, *что везет их осел — бриллианты ведь не станут стекляшками, али станут.* Или иное: мерзейшей нравственности телеграфист может быт отличный выполнитель своего телеграфного дела. За это ему хвала, а за поведение — лоза.

Чиновник (выбегает). Преосвященнейший, я растроган. Впервые в таком благородном собрании. И вдруг из ваших благословенных рук — оправдание всей моей *биогфафии.* Ибо я и есть телеграфист мерзкой жизни и отменного телеграфного знания, за то и держались. Чувствительно благодарен за вашу, так сказать, общечеловеческую речь. Об осле и телеграфисте. Ибо до сей поры архиереев воспринимая исключительно с амвона, так сказать, церковно-славянскими текстами.

Владыко, а за ним все встают.

Диван. 1. Спросите владыку что есть в общечеловеческой речи преемственность благодати?

2. Сие понимать духовно!...

3. По Филарету кратко: понимать в шестых.

Владыко. А что есть электричество? Вы им движетесь, топитесь, а не стоит в физике Краевича, как у Филарета черным по белому: сущность неиз'яснима? И вам, как говорят хохлы, и не кортит знать що це за штука. А! Однако подумайте, *даром что ли ваши марксисты да максималисты разные, шалуны* богоборческие, как к нам перемахнули и Маркса отрясли?! Больше того: чуть за порог,

кричат: ой веруем. Мы и в догматы, мы и в Матушку Троеручицу.

Дама. Владыко, mais la Троеручица est une superstition populaire?

Владыко. Ne dites pas, Madame, il y avait des cas surprenants? *(Дивану)* Есть же значит и в вас некое сокровище, некая тайна и сила. *(Чиновнику)* Тепло у нас, дедушка.

Чиновник. Так точно Ваше Высокопреосвященство. В архиерейскую службу, как в бане.

Андрей. Владыко, прошу *(смех)* все таки выслушить мой вопрос.

Владыко. Надеюсь последний. Сейчас пасторы придут, при них эти семейные дела неудобны, все таки иноверцы.

Андрей. Если вашу мысль о преемственности благодати довести до конца, если в совершении таинства, как в магических опытах самое главное соблюдение ритуала, а чистота воли, ума, помыслов — словом все, что зовут человек — ничего, в таком, говорю, случае *(встает, делает несколько шагов)* рукоположен может быть и *грамофон*.

(На диване смех, Лопухин испуганно наклоняется к владыке, Евдокия Семеновна охает и закрывает лицо ладонями, дамы привстали. Владыка борется мгновенно между гневом и какими-то соображениям и вдруг смеется почти непринужденно).

Владыко. Граммофон, ха, ха. Каков пострел. *(Лопухин успокаивается, дамы садятся, Евдокия Семенович заваривает свежий чай).* А знаете ли сударь, что сказал один умный француз одному англичанину, когда сей последний в пять минут возжелал в Историческом Музее осмотреть Венеру, Лаокона и Цицерона. Знаете ли?

Андрей (хмуро). Анекдотами не интересуюсь.

Владыко. И напрасно. В них общественной мудрости порой не менее чем в пословицах. Мой анекдот при дамах, пожалуй, не удобен, но поучителен.

Дама. Ах, Владыко, ведь известно, что по французски все прилично, а к тому же у вас дивный прононс.

Владыко. При дамах только половину. Сей умный француз в назидание, не в меру прыткому, англичанину сказал: Monsieur n'a qu'à se placer devant Vénus, regardez-là *(шепчет Лопухину).*

На диване. Знаем, знаем. За это в корпусах в карцер сажают.

Дерзкий голос. А вы сиживали, Владыко.

Владыко. И не однажды.

Дама. Он очарователен.

Другая. Impayable!

Ваня. Старший пастор и молодой.

(Все смолкают. Входят оба пастора. Гельбах кланяется, никому не давая руки. Остается стоять среди комнаты. Евдокия Семеновна подает ему стул, на который он не садится, но держит его перед собой, положив руки на его спинку). п. Вернер (подходит к Лопухину, садится рядом. Шепчутся, неодобрительно кивая на Гельбаха).

Гельбах (Очен прост. Бледное грустное лицо. Нелеиость движений от слабого внимания к внешнему, блуждающая улыбка. Увидал Агнию). Вас я знаю, так особенно зовут.

Агния. Монашеское имя. Хоть я к монастырю совсем не склонна — Агния.

Гельбах. Агни — огонь, хорошее имя. Я видел вас в лечебнице доктора Рубахина и заметил: больные вас любят.

Агния. Не за что им вовсе любить меня. Мне с ними весело и я с ними просто так, для себя.

Доктор. Скромничает. Они от нее без души, особенно „Чающий чуда“. Есть такой маньяк, в пурпурном плаще ходит *(Андрею).* Знаете, Андрей Иваныч, я ведь по своему лечу своих психопатов; ту больницу, что вы когда-то видели, я сдал товарищу, а в усадебку за городом отобрал себе несколько интересных экземпляров для опыта. Предоставляю им в своих маниях выразиться до конца: ведь, как ребята, увлеклись тем, чтобы найти свой цвет и покрой, костюмы состряпали . . . уверяют, что эти костюмы выражают их внутренний мир . . .

Ст. Теософка. Да ведь это же теософия! Вибрация высшей духовности — лиловый, интеллекта — желтый, низший астрал красно-буровый, как все эволирует, как все об'единяется.

Доктор. Должен вас, сударыня, огорчить, цвета у них как раз наоборот!

Ст. Теософка. Значит, путаница астрального зрения. Все таки они больные. Но п. Гельбах, почему у вас такой плохой вид? Я видала вас месяц назад, и вы были лучше!

Лопухин. И я нахожу большую перемену. Чтобы вам погостить у нашего милого доктора Рубахина, в городе душно, хоть весна, а ужь парит. Право, вы б бросили город.

Гельбах (тихо). Последний месяц был для меня трудный месяц. Подготовка ко дню конфирмации. Завтра как раз год . . . *(обрывается).*

Владыко. Нечего говорить, событие ужасное. Но во-первых вы тут совсем не причем. К тому же, простите меня, мы с вами в истории изучали примеры по-хуже, да вот недалеко ходить. Перед вашим приходом здесь на диване Борджио вспоминали . . . Да ужь это не слепота старого кистора, а пре-

ступление, как говорится, по должности, возмущающее самых господ гимназистов!

Гельбах. Да, конечно, вы правы . . . Худшие случаи были в истории, и мы с вами со спокойной душой их узнали, и случаи эти не помешали ни вам, ни мне стать церковнослужителями.

Лопухин. Разрешите в таком случае спросить вас, п. Гельбах, что же тогда вас настолько смутило в прошлогоднем событии, что вы, из молодого человека, каким я видал вас недавно, сразу сделались стариком. Ведь вы поседели за этот год, хоть вам нет и 30.

Гельбах. Я поседел *(трогает виски руками).* Это возможно, очень возможно, но видите ли, дело религии, как всякое дело . . . Словом человек узнает его природу как следует, когда узнает не по книжке и даже не головою, а тут . . . сердцем. Потому что, простите меня, понимать вещи религии головой ни к чему не призывает и главное, самое главное . . . к действию не толкает!

Лопухин. Я вас не понимаю: что значит понимать религию умом и что сердцем? И почему последнее столь положительно. Престранный, какой-то, хлыстовский у вас уклон. Увы без логики не обойтись, если желаете быть понятным!

Гельбах. Я совсем теперь не умею говорить! Сейчас особенно. . . С некоторого времени мне каждое слово так трудно . . . *(вдруг вспыхивает, весь словно крепнет, выпрямляется)* И слов больше не нужно; я узнал: нужно действие!

п. Вернер (шепчется с Владыкой и Лопухиным). Вы нездоровы, п. Гельбах! Вам, по мнению ваших друзей *(жест об'единяющий Владыку и Лопухина)* необходимо отдохнуть у нашего любезного доктора на свежем воздухе! Поезжайте с ним сегодня, а я от всей моей души буду за вас говорить в воскресенье.

Гельбах (живо). О нет. Воскресенье должен сам. Воскресенье — это так решительно. И я ведь так мало скажу.

п. Вернер. Мало сказать — это неправильно п. Гельбах. Принято, чтобы речь конфирмантам была вполне обстоятельная речь. Ведь эта речь, как вы сами должны знать — напутствие в добродетель юношам и девушкам на всю их человеческую жизнь. Если, как оказывается, вы не в силах взять на себя ответственность подобной важной минуты, когда вы в первый раз приводите к святой чаше столько молодых жизней, то вы, п. Гельбах, лучше откажитесь, есть время! И замещение вас, молодого, недомогающего пастора—старейшим, каким являюсь я, не встретит замечания со стороны господина суперинтендента!

Гельбах (оставил стул и несколько шагов к п. Вернеру). Замены быть не может. Я, только, один я, должен после завтра выйти с чашей, ибо это мое дело. Нет это . . . это дело моей жизни.

Лопухин. Милый, п. Гельбах, к чему столько волнений! Выход с чашей, конечно, момент ответственный и мы все его почитаем. Но это — обычное дело церковнослужителя. Простите, еще чисто логическая поправка. . .

Гельбах. Ах, вы опять логику — ну хорошо! Я попробую вспомнить о логике. Я попробую рассказать вам, что значит узнать свое дело сердцем. Вот пример: вы читали про насилие над ребенком, вы возмущены, но потом . . . и очень скоро — вы ведь обедаете, не так ли. И все как было раньше. . . Ну вот: а если бы привелось вам итти по очень дремучему лесу, и уже не только прочесть, а своей собственной персоной, т. е. совсем лично только вам одному, натолкнуться на такое дело — то вы уже должны броситься на защиту . . . и, быть может, больше никогда не обедать, потому что . . . вы тут

же умираете, или рассудок ваш перестанет действовать, как у всех людей. Совсем иное вам становится важным...

Лопухин. Прекрасно. Но этот ваш пример в лесу, к несчастному событию в пасторате ни малейшего отношения не имеет.

п. Вернер. Очень вас благодарю герр Лопухин. Вы мое мнение выразили.

Владыко. Присоединяюсь и я. В примере п. Гельбаха — злая воля, в прошлогоднем несчастии — простой случай!

Гельбах. Несчастие в пасторате — есть именно встреча в лесу и я буду доказывать *(упавшим голосом).* Но как доказывать, если у вас не было такой своей встречи, и вы еще не знаете, что значит узнать сердцем...

Андрей. П. Гельбах, вы очень хорошо выражаете то, что хотите сказать и это очень важные вещи, прошу вас продолжайте.

Агния. И я вас прошу, п. Гельбах, я понимаю, что вы говорите.

Владыко. Буйные побеги сочувствуют! Поучайте их пастор!

(Владыко говорит с Лопухиным и п. Вернером).

п. Гельбах. Да, для меня встреча в лесу — произошла. Подумайте: ко мне приходят отцы и матери требовать взамен их детей, отравленных за принятием таинства, хоть немного веры в это самое таинство!

Лопухин. Но ведь вы пастор, вы должны быть тверды, должны уметь возразить. Возьмите хоть у Владимира Соловьева *(перелистывает записную книжку).* У меня тут как раз под рукой выписка для работы, как нельзя более подходит к вашему

случаю, вот она: „Все, что может показаться ненормальным в истории церкви относится к человеческим видам, а не к божественной сущности религиозного общества".

Владыко (указывая на старого пастора, который с сознанием собственного превосходства, смотрит по сторонам и оскорбленно молчит). Оставим в покое Соловьева, у вас рядом живой пример истинного христианского смирения и непоколебимой веры. Едва ли пастор Вернер меньше вас был взволнован несчастным событием, но он не позволил гордыни своемудрия овладеть своей душой, ибо, как прекрасно он выразился: Dein Wille geschehe!

Гельбах (стискивая руки). О, я знал ведь, что слов больше не надо . . . и что я не умею об'яснить! Но слушайте: ведь опыт моих прихожан, этих простых людей, оскорбленных в Святая Святых своей простой веры не есть опыт пастора Вернера! *(К пастору Вернеру).* Я полагаю, пастор Вернер, вы достойнейший меня человек. . . Но верьте, если переживать ужасный опыт этих, оскорбленных в своей вере, наших прихожан так, как это переживают они . . . то надо все сломать!

(Лопухину). И слова философа Соловьева, конечно, очень умные слова, но они только слова. И бедные люди мои прихожане едва ли могли б их понять, а если бы поняли, то в своем кровном горе утешены б ими не были. Подумайте: потерять любимого сына, брата, отца или мать через Святая Святых своей веры.

(Молчит, потом как бы для себя одного).

Для меня назначение пастором в это грустное место, это прошлогоднее событие и есть та встреча в лесу, после которой надлежит уже не слово . . . а действие. . *(Гельбах берет со стула свою шляпу, делает общий поклон и, глубоко волнуясь, говорит).*

Прошу всех, придите после завтра в воскресенье на мою проповедь.

п. Вернер. Пастор Гельбах! Не уходите домой, уезжайте с доктором. Вы совсем нездоровы. Преосвященный Владыко, вы — господин Лопухин — свидетели, что я обеспокоен здоровьем пастора Гельбаха. Я вторично предлагаю ему заменить его в воскресенье, и если г-н суперинтендент мне в последствии будет делать замечание, вы, надеюсь, разрешите мне ссылаться на вас, как на свидетеля. *(Оба кивают утвердительно головой). (На диване смех).*

Лопухин. Пастор Гельбах, вы хотите, быть может, сказать в воскресенье что-нибудь парадоксальное, одумайтесь!

Владыко. Хоть вы представитель не нашей церкви, как христианин, напоминаю вам: упадок веры, церковнослужитель должен переживать в одиночестве!

Гельбах (у дверей). Я твердо знаю одно: я знаю, как надо исполнять учение моего Учителя. Исполнить Его учение — это не иметь где склонить голову как Он. Это — быть названным лжецом и безумцем — как Он был назван. Это — быть на Голгофе — как Он. Ведь на земле — только это — обещал Он ученикам Своим. Его — послушаю. Я жду вас всех.

(Занавес.)

Сцена вторая.

Та же комната. Все ушли. Андрей в сильном волнении. Ходит взад и вперед. Лопухин тушит электричество в прихожей. Громко говорит Ване.

Лопухин. Ваня, приготовь нам в столовой ужинать, да постели Андрею Иванычу на диване. Слышишь?

Евдокия Сем. Андрею Иванычу я уже приготовила, а ужинать с вами не буду *(оба входят в гостинную).* Устала я . . . и знаете, Владимир Иваныч, пастор этот расстроил, совсем он какой то . . . Свезут его вот увидите, либо в госпиталь, либо в сумасшедший! Но все-таки, Владимир Иваныч, журфикс выдался нынче совсем особенный, весь город говорить будет! Вы с таким рассуждением, а Владыко соловьем, соловьем. . .

Андрей. Покойной ночи, Евдокия Семеновна!

Евдокия Сем. Покойной ночи, Владимир Иваныч. Покойной ночи, Андрей Иваныч, вам пожелаю: на новом месте — приснись жёних невесте! Только наоборот! . .

Андрей (рассеянно). Что такое. Да, да. Покойной ночи. *(Евдокия Семеновна уходит. Андрей опять ходит. Лопухин садится на диван, зевает, смотрит на часы.)*

Лопухин. Однако уже второй час. Ну как ты находишь нашу провинцию? Конечно, это тебе не столичное, религиозно-философские и прочее . . . Но мысли бродят! А сегодняшние гастролеры, былой светский лев — Сокольницкий — ныне Владыко Петр, это братец фигура! Таких еще не бывало, это тебе не попович. Да с размах европейский! Да и срок расправит крылья, орел. Ну и местный раритет — пастор Гельбах, хоть и сумасшедший, но по своему весь романтик! А безыскусственность молодых? Этот подросток Агния и целый диван „буйных побегов“, как удачно их назвал Владыко? Да, наш любезный братец, необходимейший противовес вашим нигилизмам и беспочвенной декаденщине пойдет от нас, из здоровой провинции. Присмотрись к нам, ты на долго надеюсь. Но прежде всего, как нашел Владыку? Анекдот то признаться он ввернул просоленный: regardez-là . . . . . .

Андрей. Владимир Иваныч, довольно: я приехал к тебе на три дня. Хотел не видать тебя вовсе, заговорил атавизм, или чорт его знает... Словом братское чувство. Ну, и пришел. Пришел, пред тем, чтобы больше совсем ужь не видаться!

Лопухин. Да что это ты? От пастора заразился. Ты меня просто пугаешь.

Андрей Нас никто не услышит?

Лопухин. Евдокия Семеновна наверно уже спит в угловой, а Ваню отправлю. Ваня!

Ваня (сонный). Что еще? Ужинать я приготовил.

Лупухин. Иди себе вниз. Ничего не надо *(закрывает двери).* Мы одни. Но в чем дело?

Андрей. Хотел я тебя не видать — не смог, вот пришел. Второе: думал, все былое повытравлено... Опять дурацкая надежда! Словом этот пастор Гельбах разбередил меня. И вот мечта... Ну к чорту малодушие: мечта так мечта. В одиночке я поумнел и смею признавать, что человек имеет право и на мечту, как на всякую там прибавочную ценность... Да и врать перед смертью не хочется.

Лопухин (испуганно). Что говоришь ты? Пред какой смертью?

Андрей. Что же мне живьем протухать, как вы тут протухли с Владыкой и пастором? Слушай: ты веришь? Ну в кого же ты веришь? *Я очень серьезно. Для обоих нас важно.*

Лопухин. Этот сумасшедший маньяк не на шутку тебя расстроил! После тюрьмы у тебя нервы должно быть никуда, а я дурак не догадался.

Андрей. Во что ты веруешь.

Лопухин. Как во что? Верую в Бога, в Христа, в Церковь...

Андрей (улыбается). Словом embarras de richesses, как в иную минуту должен и на сей счет схихикнуть ваш великолепный Владыко. Так вот какой ты богач. Ну что же: разреши к твоему богатству прибавить еще и опыт пастора Гельбаха! Тот самый опыт, которого твоя логика принять не может. Впрочем, хочешь или не хочешь, а придется тебе сейчас испытать его пресловутую *встречу в лесу,* и от слов перейти к действию. Посмотрим: уцелеет ли логика?

Лопухин. Ничего не пойму... Но мне страшно. Андрей, не томи... Что случилось?

Андрей. Не торопи: рад не будешь. Ведь после встречи в лесу – конец журфиксу с Владыкой. Сядем (*садятся рядом на диване, Андрей берет его за руку),* Как странно: два пастора в одном пасторате, *одно* испытание обоим. Один потолстел, другой поседел. Нас два брата... Все ведь, кажется, родные перемерли. Мать последняя?

Лопухин (с укором). Да, тюрмы твоей не вынесла...

Андрей (встает, выпускает руку). А ты попрежнему с укором. Да мать умерла, щадить больше некого *(ходит).* Но вот, Владимир Иваныч: ты оказываешься обладатель целых сокровищ веры, а я — в одно единое верую. И то не по Писанию. Как это по вашему: несть больше любви...

Лопухин. Ужели и этот забыл. Прекраснейший из текстов: несть больше любви, аще кто душу положит за други своя.

Андрей. Представь и этот забыл... Так вот: по вашему любви, а по нашему просто необходимости, ибо иначе телега не с места! Таков Божий, а верней — чортов закон, всей злосчастной юдоли. Как же по славянски то с необходимостью вместо любви.

Лопухин (отступая). Что ты затеял, говори.

Андрей. Убить вашего губернатора, на что и уполномочен.

Лопухин (хватая его за руку). Этого ты не сделаешь!

Андрей. От тебя зависит. Вот и договорились. Тронул меня безумец пастор. И вот последняя мечта: сделай так, чтобы убийство мне не свершить, не убийца ведь я. Верующий! Найди веру, не захоти этого!

Лопухин. Я христианин? Как могу этого захотеть!

Андрей. Пастора не понял и меня не понимаешь *(в сильном волнении, вне себя)* Ложись поперек, ты теперь знаешь! Ты соучастник. Стань на молитву твоему Богу. Сказано: гора сдвинется, если веры хоть зерно горчичное. Пусть сердце у меня разорвется, пусть с ума я сойду, или сам в твоего Бога поверю, да чорт его знает что. Ложись поперек, верующий. Либо...

Лопухин (бледнеет). Либо?

(безмолвие).

Андрей. Либо донеси на меня. Мне убить *не дадут!*

Лопухин. . Изверг!

Андрей. Ха-ха-ха! Пастора Гельбаха теперь понял? А ты думал так на всегда: кувшин воды для умытия рук? Убийцы братец мой поумнели. Как ни как для вас убиваем, так не угодно ли в долю? Не желаете? Так пожалуйте сами в убийцы. Да пóд росписочку, чтобы к Пилатову кувшину не сносило. „Dein Wille geschehe". Благополучный гражданин. А не угодно ль, changez de places, как бывало дерижировал на балу блестящий экс-гусар ваш Владыко? Ибо вздернут меня после вашего

сообщения, верующий братец мой, Владимир Иваныч, *бес-пре-пятственно!* И даю я вам два дня сроку. Буде вам известно, живу здесь не первый месяц, все выведал, высмотрел — пора кончать!

Лопухин. Изверг, изверг! *(закрывает лицо руками.)*

Андрей. У каждого своя встреча в лесу!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Сад больницы доктора Рубахина. Большая зеленая лужайка. Высокий насыпной холм, в середине, на холме площадка. Вдали одноэтажный уютный особняк — больница. Дальше пруд и лес.

Доктор и Агния.

Агния. Доктор, полеземте на вышку, сейчас будет солнце садиться, поймаем его. Дайте руку *(взбегает).* Как хорошо. Доктор, слышите, — хорошо!

Доктор. Дайте отдышаться! Вас словно ураган сметает, а я тяжелая артиллерия.

Агния. Мне летать так хочется! Вы летали? Конечно нет, скажите еще: крыльев нету. А мне наплевать. Я и без крыльев летаю. Закат на меня действует... Когда была маленькая все на закате летала.

Доктор. На метле вы летали, да и сейчас не без того — что греха таить — ведьма!

Агния. Нет, доктор, я не ведьма! Я по-хорошему летала. Сяду бывало на корточки, подхвачу себя под коленки и вот, вот — вот взлечу! А на днях то, подумайте, у нас на хуторе: не закат, чудо! Маки как огонь горят, журавли в розовом небе... Ну, совсем черти... черные. Я на дереве сидела, да вдруг за журавлями... Руки вытянула и — хлоп в копну сена! А там старик Семеныч... Вот ругался, балдой назвал.

Доктор. Балда и есть. Однако вот что: когда венчаться будем? Это ужь я серьезно; вы все дурачитесь, а ведь мы порешили. Я б для зимы за ремонт принялся. Флигелек бы для нас отделал. Агния, *(берет ее за руку)* ведь вы же не раздумали.

Агния. Доктор, ведь я не обещала наверное! Я все время говорю вам, что не знаю, и правда, ничего не знаю. И вообще как это так скоро: вдруг взять и выйти замуж! Вы, конечно, здесь в городе самый милый человек, и я это вам правду сказала! Если здесь замаринуюсь и, прокисая, захочу замуж, то выйду только за вас. Но я еще не прокисаю, доктор!

Доктор. Я не ожидал, что вы кокетничаете как все!

Агния. Очень мне нужно такой дранью заниматься, когда я каждую минуту могу сделать все, что захочу! Это вы начинаете вдруг как все: какие то права, да упреки! Ну, если дело пошло на откровенность, вы мне гораздо меньше нравитесь.

Доктор (напевая). La donna è mobile . . .

Агния. Бросьте! Во первых детонируете, во вторых совсем не из той оперы, то есть из той, да не из моей. Я сначала подумала, что вы и есть тот настоящий человек, которого мне надо, но среди больных вы проиграли.

Доктор. Я! Я плох с больными!

Агния. Бе-зу-ко-ризненный, гуманен и проч. и прочая. По обычной житейской расценке золота 96 пробы, но в удельном весе теряете, ну вот: вы слишком благополучны, доктор. Все у вас во время. Никакой червь вас не гложет, а рядом почему-то умные люди города стали маньяками, лучший человек — пастор Гельбах места себе не находит. Этот молодой Андрей, гораздо значительнее важного своего брата, скитается по тюрьмам . . .

Доктор. Что же и мне с ума сойти или сделаться арестантом. Я думал вы старше этих наивностей об сильном человеке! К тому же пастор неврастеник, Андрей еще больше, а больные мои, правда интересные люди, все же они больные! Если жить надо, то поверьте жизнь прожить лучше здоровому. И полезнее и приятнее.

Агния. Эх, не умею я вам об'яснить... (*вбегает Дарьюшка и Евменыч, больной старик, отымают друг у друга железный лист.*)

Дарьюшка. А я говорю тебе не таскай. Другой раз смотри, куды лепишь.

Евменыч. Невежественная женщина! Ты исказила целое миросозерцание, гляди: повреждено *Око*, лучи смазаны... (*поправляет цветным мелком*).

Доктор. Дядя, Евменыч, Дарьюшка, что за ссора?

Агния (*сбегает с вышки*). Дядя Евменыч, здравствуйте!

Евменыч. Здравствуйте огонек. Эта невежественная женщина, эта Sancta Simplicitas, для низких целей, для каких то „аржанных" лепешек, как она утверждает, смазала мою благородную схему!

Дарьюшка. Отчего мажешь, не поглядевши? Что не положь. Ведь все стянет!

Евменыч. Я заимствовал ваш печной лист, уважаемая, только на миг, из'яснить почтеннейшей публике! Сам картон сдеру, лист почищу, и вручу для вашего „аржанного" изделия...

Доктор. Уступите, Дарьюшка.

Дарьюшка. Уступи, да уступи — нашлись малолетние! Сама с такими то одуреешь... (*уходит*) Смотри мне, скорей приноси!

Евменыч. Принесу, уважаемая, и вас к своей мудрости приобщу!

Дарьюшка (прыскает). Без тебя поп приобщает! *(уходит).*

(Входят Гельбах и Андрей, здороваются).

Агная. Как хорошо, что вы оба пришли, я как раз думала, что мы все должны здесь встретиться.

Андрей. Я давно у пастора, и когда он сказал, что идет вечером к вам, я вспомнил, что вы доктор и меня вчера звали.

Доктор. Конечно я очень рад, что вы пришли. Сегодня „чающий чуда" намерен об'явить свой какой то манифест.

Гельбах. Я знаю. Он мне прислал записку: „новое Благовестие". Вот она!

Доктор (озабоченно). Опять буквы разбегаются. Боюсь, не вредно ли ему сегодняшнее возбуждение. Евменыч, как вы думаете, вы с ним дружнее всех?

Евменыч. Чающий чуда очень волнуется, что никто не знает того, что узнал он. Сегодня он всем об'явит и успокоится. Мы все будем участвовать, он нас обучил.

Агния. Что же это. Стихи.

Евменыч. Не знаю. . . . это Благовестие. Да вот он сам!

Чающий чуда (он высок, лет 35, в белом летнем хитоне с пурпурным плащем, черные кудри, очень торжественен). Вчера был необыкновенный закат. Сегодня необыкновенный золотой восход; — два чуда, предтечи третьего, которое я возвещу всем сегодня. Когда взойдет луна и зажжем костер! До тех пор — безмолвье.

Агния. Доктор, ведь можно костер, это так красиво и картошки испечем.

Чающий чуда. Нет, картошек нельзя, костер — это священный символ. Но . . . . безмолвие! *(уходит).*

Доктор. Костер разумеется можно, только перед вышкой. Пойдемте Агния, хворост таскать, *(Идет с Агнией, что-то ей говорит. Евменыч притащил стоящую одноногую вешалку, прикрепил к ней железный лист, где на белом картоне изображено разноцветными мелками огромное око, из которого вниз идут три луча. Пастор Гельбах, Андрей ходят рядом по дорожке).*

Гельбах. Если б вы знали, как я счастлив встрече с вами. Когда вчера вы заговорили со мной, меня пронзила мысль: вот он, друг твой, которого ты хотел всю жизнь, и которого не было у тебя. Простите я сентиментален. Но как то уж хочется быть таким, какой есть.

Андрей (*протягивает ему руку*). Спасибо. И вы мне больше чем друг. Но куда делась Агния? Разве она ушла?

Гельбах. Она идет с хворостом! Агния, Агния — огонь — ее верно назвали (*Доктор и Агния складывают хворост. Дарьюшка несет еще охапку*).

Дарьюшка (*Евменычу*). Забрать что ли лист? Аль неотрезвонил.

Евменыч. Уважаемая, займите место среди прочих граждан и внимайте.

Дарьюшка. Есть мне время. Ты наговоришься да и есть захочешь, небось за меня ужина не сваришь. Знай лист стащил. . . . .

Доктор: Дядя Евменыч, об'ясните нам ваш чертеж и успокойте старуху.

Евменыч. Всенепременно. Иду звать помешанных, что б от них не отстать, наряжусь лесным дедом. И то сказать: с людьми не поладил.

Доктор. Обратите внимание: здесь каждый только себя считает здоровым, а всех именует сумасшедшими, никто поэтому не обижается. Сейчас придут две девицы: Нелюба и Полюба, так их

прозвал Евменыч, истерички, не без поэзии, дружны, как зеленые попугаи. Зато *„Король свободы“*, пренеспокойнейший суб'ект, из неудачников — поэтов, зол и хитер; его собираюсь сплавить приятелю. Еще есть безмолвники: это пять меланхоликов, один за другим вдруг замолчали, но повеселели и каждый вечер, вообразите, премило танцуют. Это „Чающий Чуда“, который всему здесь голова, им что то внушил. Во всяком случае на пользу. Аппетит отличный, в весе прибавили и пободрели.

Андрей. Но этот Евменыч на вид совсем здоровый?

Доктор: Чистокровнейший клептоман. Что в тюрьмах насиделся пока попал ко мне. Он это рассказывать любит, но, конечно, освещает по своему. Однако сегодня все больные в высоком тоне... пойти сказать Никите, что бы шланга была в исправности! Чуть что, струю пускаем — боятся!

(Входят: Чающий Чуда, Полюба, Нелюба, Безмолвники и Король свободы в разноцветных ярких лоскутах. Девушки под руку; одна темная, другая светлая. Евменыч одет лесным дедом. Все садятся на скамьи и на камни. Чающий чуда один идет по лестнице на вышку. Недвижный, каменный смотрит на закат. Король свободы стругает ножичком палку. Евменыч устанавливает свою вешалку на холме).

Евменыч. Пока не вышла луна, пред об'явлением манифеста, я хочу поделиться со всеми своей мудростью: том первый — щенок в чулане. Эй король, слушай, что там стругаешь?

Король. Я король только потому, что обвенчан со Свободой, на самом же деле я — не имеющий где склонить голову, готовлю жезл, чтобы раздвигать кусты на поляне служения.

Нелюба. Доктор, я видала его рано утром, он стоит прислонясь к дереву, глаза закрыты, шатается, как пьяный, какой неприятный! И это на

самой красивой поляне! Что это он делает? Гулять мешает.

Полюба. А я видала его в полдень. Он вскидывал голову на солнце, потом жмурился и руками в сторону. Доктор этот человек всех нас оскорбляет. Он зовет свое шутовское тряпье — рубищем, он презирает всех нас, а сам хуже всех — он лгун.

Доктор. Успокойтесь обе. Король никого обижать не хочет.

Король. Я их даже и не замечаю! Маньяки! Каждый в своем тупике... А я. Я служу вселенной, я знаю тайну, как добыть силу от самого солнца. Я утром, и в полдень и вечером раздаю эту силу всем людям, а отдельных не вижу кроме одного... Этот один тоже кругом никого не видит, но почему-то не лишен свободы. Пастор Гельбах, вас никто не сажает в холодную ванну?

Доктор (*Гельбаху*). Не подавайте виду, что вы слышите. (*Королю*) А почему, Король, вы так заботитесь о людях?

Король. Мне поручено. Довольно. Тайна.

Полюба. Я не вижу восхода, не вижу заката. Не знаю тайны. Не хочу красоты. Я полюбила одного. Его нет — ничего нет...

Нелюба. А я все могу видеть и ничего не хочу видеть! И некого мне полюбить. Что делать с красотой? Кого обрадовать. Самой меня нету. — Ха, ха, ха...

Евменыч. Нелюбушка, Полюбушка, ишахи милые. Гляньте-ка, гляньте (*подымает свое сооружение*) Око! Око и лучи! Сударыни и судари! Если б бренный наш мир был в порядке, то он двигался только бы в этих лучах... Да—с, выходящих из чудесного символа — Око. Лучи: Разум, Красота и Добро.

Король свободы. Добро из слезницы.

Евменич. Всенепременно. Ибо сказано: блаженны плачущие! Злой как, ты, не заплачет, а я плачу и не стыжусь *(всхлипывает).*

Король. Мокрая мудрость!

Девушки. Молчите, злюка!

Доктор. Дядя Евменыч, вы скорей! Дарьюшке лист ведь нужен. Чающий чуда с вышки. Пора возжечь костер!

Евменыч. Минутку, Чающий, минуточку! Все должны снизиться, а то твой манифест не постичь! Судари! По неизвестным причинам мир из гармонии выскочил да прямо в темный чулан! Я на визитных карточках также значусь: Щенок из чулана. В чулане все топчемся. Как дому хорошо, если один лучик поблескивает, а уже три никому. Мне к примеру — добро из слезницы, как верно заметил Король, но при добре мало разума и красоты никакой. Ибо какая красота, сами посудите: помещался я нищий у купца Чернозубова в Свином Закуте, так у него клеть звали с разным хламом, а ребятишки босоногие набегают — вынь да положь им гостинчик. У меня ни пфенига, если случалось за клейку картонажей . . . Господину становому часовинку и звонарек малый звонит — не долго клеил сорок копеек вынесли . . . так вот: позабыл я про что.

Агния. Ребятишки гостинчика просят *(входит Дарьюшка, неодобрительно смотрит на лист).*

Евменыч. Так, вспомнил. У меня ни пфенига. Ибо сорок копеек трансформировал в мерзавчик и опрокинул-с! А у купца Чернозубова чернослив преет! расперло бочки, бродит. Облегчил груз, раздал ребяткам.

Король. Уши вянут, уйду!

Дарьюшка. Чай не цветы твои уши не отвалятся, врать ему не мешай . . . Он старей тебя . . .

Евменыч. Дарьюшка заступилась! О! раскаившаяся Ксантиппа! Немедленно вручаю вам лист . . . Доскажу без наглядности.

Дарьюшка. Ишь ведь. Не всю совесть пропил. Лепешку тебе всех больше спеку *(уходит с листом).*

Евменыч. Итак, судари мои, какая тут красота! Я чернослив пригоршнями, а купец меня в шею! А за повторность альтруистических действий, Чернозубов меня вверг в узилище . . .

Король. И за дело!

Евменыч. Нет-с, за луч из слезницы, которого он не узрел! Чего смеетесь? Все судари таковы: один умен без меры, а ближнего сапожищами как клопа, тот добр, а глуп, ровно стелька, третий . . .

Чающий чуда (возглашает). Луна появилась, зажгите костер. Настал час Благовестия!

(Все суетятся вокруг костра).

Чающий чуда. Безмолвники. Исполните неиз'яснимый танец предвестия. *Костер пылает. Безмолвники, то голубые от луны, то розовые от костра танцуют. Больные располагаются на холме снизу вверх восходящей цепью к вышке, где продолжают стоять неподвижно Чающий чуда. Все ярко освещены. Доктор, Агния, Пастор внизу черными силуэтами. Безмолвники делают тихие движения: Чающий чуда повернулся лицом к костру. Он пламенный в своем пурпуровом плаще. Подняв руки. Говорят все в голос. Иногда Чающий чуда один, иногда выкрики . . .)*

Без лика
Клубятся
Оползни
Неба нет
Ко - лен - кор!

Мертвы мертвые
Солнце
Тихо
Тухнет
Тьма . . .

. . . А - - - а! . . .

Чающий чуда. Родилось
Сердце новое
О — громное . . .

Все. Жаркая кровь
Яры удары!

Чающий чуда. Крылорукое!!

Все. Бой его —
Взрывы —
Взрывает
Миры . . .

Девушки вдвоем. Горе Безликому!
Всплывает . . .
Сползается;
Жалит
Жалом!

Чающий чуда. Новое сердце
Без устали
Оно из стали

Девушки. Но от боли . . .

(Безмолвники вступают).

Все тихо. Крылоруки
Изранены
Коварными
Мрежами
Скручены

(Обрывают. Минута безмолвия).

Чающий чуда. Рванулось! —
Бой его —
Взрывы —

Все. Рдяная кробь
Яры
Удары!

Чающий чуда. Новое сердце —
Солнце

(экстаз) Вселенной!
Внеобзорное
Прокинулись крылья!

Чающий чуда (торжественно спускается вниз).

п. Гельбах. (Идет ему навстречу, протягивает обе руки). Новое сердце — это истина!

Король свободы. Пастор Гельбах наш! гой! гой! Доктор, лишайте его свободы, как мы лишены. Делайте ему холодную ванну. Он сказал сейчас помешенному, как помешанный. Гой, гой, возьмем его в круг! —

(Все окружают пастора и бешенно кружатся вокруг с визгом и хохотом. Костер пылает. Пастор черный, неподвижный, закрыл лицо руками).

Доктор. Петр, Дарьюшка! Шлангу!!

(Несут шлангу).

Доктор. Пустите сперва мимо!

(Пускает струю. Больные с криком разбегаются. Пастор остается стоять).

Король. Ха, ха, ха. Пастор Гельбах хочет быть особенным человеком и не считаться сумасшедшим. А посему: Да минует меня чаша сия. Плагиатор. Ха, ха, ха . . .

(Занавес).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

(Сцена вторая).

У пастора Гельбаха. Большая поражающей чистоты комната. Фисгармония. Портреты: Лютера, Нитше, Дарвина, каких-то пасторов. Над диваном Тайная Вечеря да-Винчи. Книги. Круглый стол. Висячая лампа.

(Входит Гельбах, Андрей, Агния).

Гельбах. Очень рад, друзья мои, очень рад, отдохните. Фрау Клотильда! *(зовет в другую дверь, входит старушка).* Письма не было?

Фрау Клотильда. Еще нет г. Пастор. Но письма нет, оттого, что фрейлен Мари сама едет, вот посмотрите г. пастор.

Пастор (смотрит на часы). Остается один последний поезд. С ним последняя надежда!

Фрау Клотильда. Ах, г. пастор. Это только на сегодня последний, завтра с полудня их опять сколько хотите до полуночи. Далеко ли фрейлен Мари приехать? Как здесь говорят когда близко: рукой подавать!

Пастор. Завтра действительно опять много поездов, но . . . не у всякого есть это завтра! Дорогие друзья, я жду невесту мою Марию. Мы должны были венчаться еще в прошлом году, но это событие в пасторате выбило меня из жизни! Ведь все изменилось. Мне нужно было одному додумать свои мысли, придти к решению. Мы расстались, но виделись. Мое завтрашнее решение Мария знает. Если она примет его, значит и меня и я не ошибся . . .

О как все удивительно в нашей жизни, дорогие друзья! Если в чем нибудь одном узнаешь самую высшую меру и наибольшую глубину, уже хочешь эту меру и эту глубину иметь

во всем. Иначе все бесценно. Еще один последний поезд ... *(смотрит на часы)* чтобы мне узнать один я в мире или нет.

Агния. Пастор, это неверно! . . . *(смущается)* но мы так сдружились, что все можно сказать, правда?

Пастор. Скажите, Агния!

Агния. Пастор, зачем у вас надежда? Вчера, когда вы говорили, я так поверила! — Он нашел свое дело, он весь как звук, нет как шар. Понимаете: округлился! И осталось ему только знание свое передать — словом истратиться!

Пастор. Округлиться и истратиться — да ведь для этого вся наша жизнь! И вы нашли для себя все свое. Что же еще. Или ничего никогда не найти.

Нет я нашел. И Агния, вы правы, что больше ничего не надо. Но . . . я человек! О, я даже слабый человек! Недавно я видел ночью отца моего. Он тоже был пастор, и дед мой был пастор и прадед ... И все они надо мной, как могильная плита. Я знаю с всеми, что — не моя истина, следует порвать, но где тот сильный, который хоть минутами не чувствовал себя предателем или безумцем. Прошлое держит нас, как корни дерево!

И я вижу все последние ночи отца моего, с поднятой проклинающей рукой . . . А отец мой был очень достойный человек. К тому же не забудьте, я только провинциальный пастор и даже в заграничном университете я не был. И простите, сейчас меня расстроили эти больные . . .

Агния. Король злой и тщеславный человек, забудьте его!

Пастор. О нет! Он верно поставил вопрос, зачем малодушие. Самый последний вопрос должен быть поставлен. И ответ тоже верно подсказан:

да минует меня чаша сия! — Гефсиманский ответ. А последний вопрос это: истина со мной или только безумие. И вот я от нее, от Марии ждал помощи *(смотрит на часы)*. Последний поезд прошел. Тут очень близко . . . ее не будет. (*Безмолвие*). Ну пусть безумие. Если безумие, я ощущаю как истину — мое безумие — моя — истина.

Фрау Клот. г. Пастор! Сосед сейчас стучался! Он с вокзала. Извозчиков всех разобрали, а фрейлен Мария приехала! Зовет меня помочь ей донести вещи.

Пастор. Я иду сам!

Агния. Пастор, как я рада! *(жмет руку.)*

Андрей. Пастор! *(жмет руку)*.

Пастор (держа обоих за руки.) О как жизнь прекрасна! Не удохите, друзья мои. Мы скоро будем обратно.

Агния и Андрей.

Агния. Как все красиво эти два дня, как удивительно красиво!

Андрей. Пропало время. Всего два дня тому назад, как я узнал Гельбаха и мне кажется: он брат мой. И еще мне кажется. . .

Агния. Еще что кажется?

Андрей. И вас я тоже знаю так давно. Вернее знал всегда, но не встречал. Вчера встретил.

Агния. И мне про вас так кажется!

Андрей. Агния, я вам верю! Скажите: если бы я вам сказал: разделите мою участь. Скитания, тюрьму, быть может ссылку — словом уйдемте завтра вместе куда глаза глядят из города. Вы бы ушли?

Агния. Я бы ушла.

Андрей. Агния *(берет ее за руку, но сейчас же выпускает; отходит).* Поздно, сейчас я вам это уж не могу предложить.

Агния. Я не понимаю.

Андрей. Агния я вам верю, как никому не верил! Скажите мне: что доблестней? Террорист идет убить; за чужую жизнь отдать свою, или скрыться, сохранив себя для дела. Вопрос этот решен уже в последнем смысле, романтики осмеяны и презрены. Но как решите вы, как вы?!. Жить... или не жить.

Агния (подходит близко. Долго смотрит в глаза, бледнеет. Борется с собой. Протягивает обе руки). Жить!

Аннрей. Всю жизнь искать и встретить *(выпускает ее руки).* Встретить... перед смертью.

Агния. Не надо смерти! Посвяти меня в твое дело, я знаю здесь все ходы и выходы, я знаю таких людей!... Если дело твое не в нашем городе, я и там узнаю все лазейки, я и там найду людей! Ты будешь жить! Тем более сейчас, когда мы встретились!

Андрей. Тем менее. Чудесна наша встреча. Но если ты меня заставишь изменить — счастье все равно не будет. Вчера еще я твердо знал, что убивая должен умереть сам.

Агния. Сегодня ты колеблешься?!

Андрей (отходит). Любви не будет, если я останусь жив. Но узнать любовь за день до смерти?! Что б ее отдать...

Агния (стоит окаменевшая). Вот она моя встреча в лесу!

Андрей. Агния. Свершим невероятное! Ни стона, ни ропота. У нас до полдня 12 часов. Неужто это меньше чем почтенная серебрянная свадьба обывательской четы? Все, что они развесили на

своих аптечных весах в серых днях, в душных квартирах, возьмем как праздник! Если из любого брака выбросить все дрязги, кухню, ссоры и заботы — многие-ль насчитают больше чем 12 праздничных часов! Простимся с пастором и пойдем бродить по лесу до утра *(открывает окно)*. Какая ночь! Агния *(она походит)*. Какая ночь! *(целуются)*. А с восходом солнца мы простимся. И у прекрасной этой ночи не будет повторения. Агния, ты сделала мне легким мой смертный час.

Агния. Еще раз подожди! В последний раз... Если ты это из самолюбия, так ведь не стоит... быть может жить тебе возможно и после... хорошо подумай, Ведь мы же встретились!

(безмолвие).

Андрей. Нет. Убивая, я должен умереть.

Агния. Я это знала! *(смотрит на часы)*. Ну что же у нас почти 12 часов.

(Входит пастор Гельбах и Мария. Она Гретхен и Мадона Рафаэля. Очень нежна и белокура).

Пастор. Мария, вот мои друзья!

Андрей. Пастор, я без вас нашел свою жену!

Агния. Вчера утром мы не знали друг друга. Нет, мы знали всегда, но встретились только вчера.

Пастор. И сейчас же узнали. Для истинного брака сроков нет! К тому же время кончилось.

Мария (Агнии). Вас я хочу поцеловать.

Агния. Мария вы мне сестра, потому что они, — *(указывая на пастора и Андрея)* они братья.

Мария. Я верю, я — сестра...

Пастор. Друзья мои. Какое счастье найти свою семью!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

(У Владыки).

Архиерейская комната в подворье. По стенам портреты митрополитов. Победоносцев, цари. Кожаные диваны, книги. Кроме входной двери, дверь в спальню, над ней драпировка.

Владыко (в кресле, против него молодой человек заграничной складки, очень хорото одетый; кажется почему то переодетым. Между ними столик; на подносе чай, графинчик с коньяком).

Молодой человек (смотрит на часы). Однако поздно. Вас заслушаешься, Владыко! *(Встает).*

Владыко. Еще минутку! Итак, вы скоро возвращаетесь, увидимся теперь как следует в столице. Письмо мне привезите непременно. Хоть монсиньор так остроумен, что от него не безопасно получать и по почте; его письмо поймет лишь тот, кому он адресует. Но все же, знаете, так оно верней . . .

Мол. челов. Все будет в точности! Но неужто ваш отказ ехать нынче в Рим решителен?

Владыко. По всему, что вы доложите, монсиньор не может не согласиться, что оставаясь здесь я больше двину наше дело, чем присутствуя на конференциях. Я ведь практик. У вас же теоретиками пруд пруди. Пусть выкуют уменько форму — мы отольем. Еще раз: монсиньору на интеллигенцию не надо надеяться; успехи Гюисманса, Стриндберга и кое кого посерьезней — любовь к щекотке доморощенных эстетов. К тому же интеллигенции не бывать у власти. Нам нужны: помещик, бюрократ и мужичек.

Мол. челов. Боюсь, на мужичке споткнетесь!

Владыко. Если Рим уступит нам тонзуру, генуфлексии и преслуватое безбрачие . . .

Мол. челов. Ce ne sera pas la modestie qui va vous étouffer!

(Оба смеются).

Владыко. Нет серьезно. Если внешне весь обряд будет наш, я вам ручаюсь, что поминание Его Святейшества и filioque сойдут всего за новую молитву, одобренную свыше. Замелет мельница и смелет зерна. Наш мужичек — чистейшая мука господня! Однако в Петербурге адреса без перемен?

Мол. челов. Всяк сверчек знает свой шесток!

Владыко. Почистить надо-б много дураков!

Мол. челов. Зато почти все шестой книги, не говорю о титулованных, ни единого parvenu. По своему — твердыня!

Владыко. Ах чуть не забыл! *(встает, берет из шкафа книжку).* Здесь в семинарской библиотеке наткнулся на de Maistre, издание первое. Монсиньор, ведь отчаянный коллекционер. Один запах чего стоит — старина!

Мол. челов. (нюхает книгу). Запах . . . самой истории!

(резкий звонок).

Владыко. Кто может быть так поздно! *(входит служанка).* Скажи, что я в постели!

Служанка (кому то в передней). Владыко приготовился опочивать!

Лопухин. Необходимо. Попроси! . . . Профессор Лопухин. Владыко знает. *(Служанка входит).* Владыко, как прикажете? Профессор Лопухин.

Владыко. Проси минутку обождать. Я сам впущу и выпущу. Тебе пора спать. Иди! *(Служанка целует руку, уходит).*

Мол. челов. Кто этот странный ночной гость? И как мне быть? Мне не хотелось бы, что бы меня у вас видали?

Владыко. Это буквоед: он смотрит и не видит! Но, конечно, лучше не встречаться, тем более, что у губернатора он принят, удобней там впервые познакомиться.

Мол. челов. Губернатор очень наш, но . . . лишняя тайна всегда лишний залог успеха.

Владыко (отдергивает драпировку и отворяет дверь). Войдите в мою спальню, он долго не пробудет! *(М. ч. уходит за драпировку, Владыко ее задергивает. Потом отворяет дверь).* Пожалуйте Владимир Иваныч! Не случилось ли чего?

Лопухин (очен расстроен, как то весь всклокочен, поправляет с'ехавший галстук). Простите Владыко, что я так поздно. Ведь годы не выходил из кабинета, а сегодня целый день бродил, был даже в лесу. Все как то спуталось . . . забыл про время, вернулся и прямо к вам.

Владыко. Но что случилось. Еще вчера вечером вы казались благополучнейшим из всех профессоров? И ваш журфикс . . . премилый для провинции . . . Но присядьте.

Лопухин (садится). Дело в том, Владыко . . . видите ли, я оказался вдруг поставленным лицом к лицу с одним вопросом . . . да именно: с вопросом, который я одновременно как человек и как христианин не в силах разрешить. Говорю несвязно . . . я расстроен. Сколько пережил за эти сутки, искал как утопающий за что бы ухватиться? А в голове все цитаты, одни цитаты . . . И вдруг подлинное озарение, Владыко, вдруг понял: нет выхода смятенной совести, как полное признание круговой иерархической поруки, где в конце концов один за всех ответчик, с помощью Божьей . . .

Владыко. Ну разумеется, на демократии церковь не может быть основана . . . Но так еще недавно

вы склонялись лишь частично, с большими оговорками?

Лопухин (приподнято). Сейчас скажу словами единомышленника: О, сколь блаженно плыть по морю всем вместе, на большом испытанном корабле, ведомым ловким кормчим, снабженным всем, что надо для пути... Владыко, ведь я предельно убедился, как слаб одинокий человек, падок сердцем, раздвоен умом!... Словом я пришел за вашей помощью, что бы примкнуть к единой вселенской твердыне!...

Владыко. Хорошо. Я вашу просьбу передам. Вас вызовут или к вам приедут. Но все таки какое же событие вас потрясло?

Лопухин (пугается). Событие? Нет, уверяю вас, житейски ровно ничего. Вопрос теоретический... думал о безумце пасторе, его нелепой „встрече" и уж не помню как, до жути ярко, словно в самом деле мне его решать, встал передо мной один вопрос... Владыко, я откроюсь вам, как сын отцу!

Владыко (улыбаясь). Э батенка, да мы ровесники. Никак у Гоголя какой то сивый кум, как хватит горилки, так и всплакнет, что сирота... но шутки в сторону, я весь слух!

Лопухин (очень волнуется). Владыко, скажите мне, как бы вы поступили, если бы вам на духу покаялся... ну скажем человек, обреченный обстоятельствами на убийство, но сам... сам то не убийца вовсе. Так бывает. То есть нет; верней так бы могло быть. И если бы этот человек, Владыко, воззвал бы к вашей вере. Он сказал бы: молись! Ляг поперек! Чтобы я не убил! Сверши чудо. Или... или донеси!

Владыко (встает). У вас подобный случай.

Лопухин (пугается). Нет, конечно, нет. Такого случая я не знаю, я теоретически!

Владыко (ходит в сильном волнении, едва овладевает собой. Останавливается против профессора, смотрит на него в упор). Безумец пастор вам таки накликал встречу. А вы в кусты? И куль свой на мои плечи. Что ж, я руки не умою!

Лопухин (вскакивает). Я вас не понимаю. Вопрос тео-ре-ти-ческий! Владыко, я не сказал вам ничего конкретного!

Владыко (овладевая собой). Но если бы вопрос предстал пред вами жизненно?!

Лопухин. Тем более я б не посмел его взять на свою совесть. Да ведь эта мысль и есть решительный толчек, направивший меня сюда просить духовного убежища ... в твердыне ...

Владыко (совсем спокойно). Хорошо. Я уже сказал, что сообщу о вас куда следует. И к вашей удаче: времена переменились, преследовать за это вас не будут, и ваше курское имение — уцелеет!

Лопухин (растерянно). Еще раз простите за позднее вторжение! ... *(идет к дверям, Владыко за ним).* Но как говорит святой отец: „час благодати как и час греха, настигает когда не ждешь ... Я думаю говеть, Владыко.“

Владыко (в передней). Что же поговейте, отличные у вас колокола ... *(возвращается, отдергивает драпировку, впускает молодого человека).* Слыхали?

Мол. челов. Теоретический случай этого профессора мне крайне подозрителен!

Владыко (волнуется, ходит по комнате). Что у нас военное положение еще в силе?!

Мол. челов. Да, не снято.

Владыко. И за доказанное покушение? ...

Мол. челов. Виселица.

Владыко. У этого профессора есть брат. Он только из тюрьмы. Террорист. Едва освободили, я дело

знаю. От'явленный заговорщик. Сейчас опять на очереди злодеяние, быть может в нашем городе. Профессор как то выведал. Видали: средь ночи прибежал. Интеллигентишко из „новых" христиан. И с совестью устроился и брата предал. Спихнул свой груз. Но к делу: вопрос уже пред нами: кого спасать? Бунтовщика — против властей и Бога, или его жертву. Попустительство — здесь тоже соучастие.

Мол. челов. Но я, Владыко, уклоняюсь совершенно... быть даже косвенной причиной хоть б заслуженнейшей казни...

Владыко (в гневе). А крест перед атакой! Крест у висилицы! Крест на суде?! На открытое забрало нет пороха. Что ж пребывайте комивояжером от религий. Мне же дорога: живая церковь — не розовое измышление елейных христиан. А то что действует. А действуя не только милует, но как сам Бог, — карает!

Мол. челов (молчит уничтоженный).

Владыко. На завтра вы приглашены на завтрак к губернатору.

Мол. челов. Да, Владыко.

Владыко. Так вы доложите, что после службы я прошу принять меня по экстренному делу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

(В лесу близ больницы.)

Зоря разгорается. Агния и Андрей на мху под деревьями. Ручей. Рожок пастуха и благовесть к ранней обедне.

Андрей. (Голова на коленях у Агнии. Она плетет венок и поет.) (Подымает голову, вдруг встает, озирается, садится вдали на пень.) Агния! мне пора...

Агния (поет, доплетает венок. Надевает его себе на голову.) Хорошо Андрей!

Андрей. Агния! быть может это сон. Солнце всходит, как всегда. Стадо идет на водопой. Каждая корова знает свой дом. У меня до сих пор дома не было. Сегодня он есть. Может быть...

Агния (сурово). Что может быть?

Андрей. Агния. Я люблю тебя. Сегодня это самая большая правда. Агния может быть это вообще единственная правда, которая нам дана. Я люблю тебя, ты любишь меня.

Агния. Андрей, вчера я тебя искушала, ты меня — сегодня? Да, самая большая правда для нас сейчас, что я люблю тебя, а ты любишь меня, но ведь это правда только на сегодня. А завтра... Если будет завтра, наша правда станет ложью. Ты не простишь мне, я не прощу тебя. *(Снимает с головы венок и бросает его в ручей. Смотрит долго.)* Вот и потонул. *(Подходит к Андрею.)* Мы приговоренные, Андрей *(целуются)*. Иди, иди. *(Андрей быстро идет)*. Нет, стой. Когда это будет?

Андрей. Когда он из собора поедет мимо кирхи. Около часу. Он живет ведь рядом.

Агния. Я буду в кирхе. Мы еще увидимся, Андрей. Я знаю.

Андрей. Мы будем уж не эти.

Агния. Да... не эти.

(Целуются.)

Агния. Иди! Иди! Иди! *(Андрей убегает. Агния опускается на траву, ей дурно.)*

Доктор (выбегает из-за дерева). Кто зовет, кто здесь. Агния. Без чувств *(бежит к ручью, зачерпывает воды. Приводит ее в чувство)*.

Агния. Где я? Доктор, почему вы здесь? Разве я уже сумасшедшая?...

Доктор. Вы бредите, вы нездоровы. Пойдемте ко мне, прилягте, я дам знать вашей матери...

Агния (совсем приходит в себя). Где я, который час? *(все припомнила, сдержанно).* Простите доктор, я вас испугала. Я тут заснула. Чем свет пошла по ягоды и такой вдруг ужас мне приснился. Но который час, уж поздно?

Доктор. Всего лишь шесть утра! Но с вами что то случилось, Агния, умоляю вас, что с вами! Правду, я от вас заслужил!

Агния. Правду. Да вы правы. Правда вот: времени нет, 12 часов — двенадцать лет. И есть счастье, про которое, едва оно есть сказать надо — оно было. Но все же это счастье, настоящее огромное счастье на всю жизнь. И вместе с тем — с личной жизнью кончено... Но вам доктор не поверить, ведь вы не хотите выйти, выйти из времени.

Доктор. С вами что-то случилось. Но это что-то безумно. Вы сейчас как безумец Гельбах.

Агния. Он всех нас заразил. Где это я читала? Как факелы солнца зажигаются друг от друга... *(Вдруг спохватывается.)* Но поздно, который час? Я не опаздала в кирху?!

Доктор. Я только что сказал, а вы и не слыхали. Шесть, седьмой.... отдохните в больнице и пойдемте в кирху вместе.

Агния и доктор уходят.

(занавес.)

У пастора Гельбаха.

Прежняя комната. На столе большой букет. Фрау Клотильда вытирает пыль, смотрит на часы. Потом через замочную скважину в комнату пастора.

Фрау Клотильда. Пора в церковь, а г. пастор все молится *(подбегает к двери рядом смотрит)* и фрейлен

Мари тоже молится. Святые они какие-то, но признаться прескучные жених с невестой. Как ни подглядывай, ни разу не поймаешь, что б целовались. Не то что мы с покойным Фрицом. Мы времени не теряли. Стыдливые, как цветочки, стыдятся выйти *(стучит к Марии)*, фрейлен Мари пора *(к пастору)*, г. пастор пора *(уходит)*.

п. Гельбах в таларе и белом воротнике. Мария в белом платье, выходят, останавливаются друг против друга.

п. Гельбах. Вы совсем как конфирмантка Мария, или . . . как невеста!

Мария. Сегодня ведь такой день!

Пастор. Да, сегодня, мой день. И все таки мы не вправе говорить наш день! Мария то, что для меня спасение, вам может быть погибелью. Ведь вы не думаете, как думаю я. Вы только мне верите!

Мария. Но если вы решили — значит это верно! Хоть бы мне было не понятно и ужасно ваше решение. Сделать против высшего разума и милосердия вы ничего не можете, это я знаю, хотя бы вся моя душа . . . болела. Но это знаю только я . . . а другие . . .

п. Гельбах. Что другие? Мария надо до конца . . . что мучает вас?

Мария. Простите, я очень плохо умею думать . . . эту ночь я не спала. Все думала о нашем разговоре. Пусть это верно, как вы говорите: большинство людей калеки. Но разве не жестокость выдернуть у них из рук костыль.

п. Гельбах. Я тоже после нашего разговора не спал . . . и мои последние сомнения сгорели. Я знаю твердо, многие уж не калеки, костыль пора выдергивать: они пойдут!

Мария. А кто не может? Упадут . . . Герман! У вас нет никаких сомнений, что вы правы?!

п. Гельбах. Мне уж не надо правоты, Мария. И я ничего не знаю, кроме одного: словам — конец. Но мне пора . . . А вы? Придете?

Мария. Я приду!

п. Гельбах (идет, у дверей оборачивается. Долго прощально смотрит на Марию). Вы совсем как конфирмантка . . . нет: как невеста! *(уходит).*

Мария. О, если бы он выдернул и мой костыль!

(Занавес).

Раздевальная лютеранской церкви.

Очень большая комната. Из нее три двери: на улицу, в кирху и в квартиру пастора. По стенам вешалки для верхнего платья, шляп: помещение для зонтов, тростей и калош. Большие стенные часы. Все уже в церкви. Слышен орган. Кистор подремывает у открытых дверей. Входят Агния и доктор.

Агния. Я в церковь не пойду. Мне нездоровится, а там такая духота! Отсюда все слыхать.

Доктор (кистеру). Прошу вас стул для барышни; в кирхе негде сесть.

Кистер (приносит стул из своей квартиры. Агния садится). Скоро уж конец., П. Вернер отпустил своих. Он сказал очень почтенную проповедь. Сейчас выходить пастору Гельбаху. Ждут, что он сегодня окончательно . . . *(крутит пальцем у лба).* Поближе б посмотреть. Вы не уйдете?

Доктор. Пройдите, мы постережем. *(Кистер уходит).*

Агния (смотрит на часы, хватает доктора за руку). Доктор уже двенадцать часов. В русском соборе кончилась обедня! Или еще молебен? Есть молебен?

Доктор. Что с вами Агния? Не все ли вам равно!

Агния. Если есть молебен, то конец на полчаса позднее, потом все раз'езжаются. До кирхи от

собора на извощике ведь не больше двадцати минут? Так доктор!

Доктор. Агния, пойдем домой. Вы опять, как будто, бредите. Не было ль у вас легкого солнечного удара? Бегаете все без шляпы! *(Орган замолк).* Однако п. Гельбах вышел. Хотите зайти немного в церковь?

Агния (не отрываясь от часов). Нет, нет. Я не уйду отсюда. Станьте в дверях и говорите мне, что делает Гельбах?

Доктор. Его плохо видно. Целое облако кисейных белых платьев — все конфирмантки. Много прехорошеньких. И юноши какие . . . все будто первые ученики. Вот голова Гельбаха. Как он бледен. Он говорит: Дух дышет, где хочет. И умолк. Опять сказал только это.

Агния. Слышу, слышу. Дух дышет, где хочет!

Доктор. Как он бледен. Он стоит и молчит, как будто на что то решается.

Агния. Я хочу его видеть! *(становится на стул).*

Доктор. Агния, это неприлично. Сейчас войдут.

Агния. Доктор, п. Гельбах поднял чашу. Он молча перевернул ее. Она пустая *(соскакивает со стула. В сильном волнении идет к авансцене).* Она пустая. . .

Доктор. Он сошел с ума!

Агния. Дух дышет, где хочет. . . И. . . пустая чаша. А Андрей?! *(бежит к часам, замирает в последнем напряжении, ни на что дальнейшее не обращает внимания).*

(Шум в церкви. Возмущенная толпа кидается в раздевальную. Возгласы: доктора! полицию! Он может буйствовать!).

Аптекарша (мужу). Говорила тебе, Фриц: Он сумасшедший. Нельзя у него конфирмоваться Минне.

Минна (плачет). На всю жизнь испорчен этот день. *Конфирмантки и конфирманты уходят вон. Некоторые плачут.* Ужасно. Безобразно. Наш день пропал!...

Дама. Какой смельчак п. Вернер. Схватил безумца за руки. Тот мог ведь укусить. Иные сумасшедшие кусаются...

Другая. Нет, Гельбах не мог укусить. Он стоял такой красивый, бледный, бледный, как ангел страшного суда.

Мол. чел. Не расходитесь. Сочувствие приходу, п. Вернеру. Он сейчас будет говорить.

п. Вернер (багровый от волнения. Стирает платком лоб). Уважаемые прихожане! Я вызвал власти и врачей, пусть разберут сами, куда деть богохульника: в тюрьму или в сумасшедший дом. А мы немедленно исполним наш христианский долг. Господину суперинтенденту пошлем за всеми подписями адрес в нашей приверженности Государственной церкви и сокрушение о внезапном умопомрачении младшего пастора. Свидетелей не мало, что я употреблял все силы, чтобы он сегодня не выступал. Но Бог судил вторичное испытание нашей веры.

Почтенный старец. Надо сжечь дрянные книги. Он выкинул нам с кафедры сверх-человека.

Толстый господин. Я предлагаю широко наладить хоровое пение — нет лучшей гигиены для души.

Голос. Сделать сбор с прихода для покупки совсем новой святой чаши.

Старуха. В наше время такого ужаса не снилось. А все пошло от обезьяны. Поверили, что это предок. Пфуй...

Голоса. Просить господина суперинтендента на особое освящение церкви и святых сосудов.

п. Вернер (тронутый). Любезные прихожане. Я вижу, что с вашей помощью будет скоро восстановлено нарушенное благолепие святого места. Вами влит в мое сердце бальзам новой надежды и елей новой веры... Сейчас выведут безумного младшего пастора, я попросил бы разойтись. Я не отвечаю за несчастного...

Дамы О, лучше уходить *(толкутся у зонтиков. поспешно уходят). Агния окаменела перед часами. Из кирхи выходит очень сосредоточенная, смертельно бледная Мария. Становится лицом к церковной двери, ждет появления Гельбаха. Доктор впереди, за ним ведут двое Гельбаха, держа его крепко за обе руки.*

Доктор. Отпустите его! Я здесь, я за него отвечаю.

п. Вернер. О нет, так верней, пока придут власти. *(Гельбах спокоен и так углублен в себя, что никого не видит. Мария слегка протянула к нему руки. Они встретились глазами. Агния не оборачивается. Оставшиеся прихожане в безмолвном порицании оглядывают Гельбаха.*

(Взрыв на улице).

Агния. Андрей! *(кидается во входные двери, за ней все, кроме Вернера, Марии и доктора).*

(дверь настежь).

Человек с улицы. Губернатора убили! Убийца ранен!

Судебный пристав (п. Вернеру). Г. пастор, сейчас внесут сюда раненого преступника, приготовьте куда его положить пока придет карета.

Пастор (возмущенно). Но это ж Божий дом?!

Пристав. Что делать, вблизи нет подходящего помещения. К тому же это только раздевальня.

Солнце ярко ударяет сквозь готическое цветное окно на белую стену. Мария вздрагивает, делает движение вперед, как будто кого то увидела. Она с этой минуты перестает смотреть на пастора, а не отрывается

от луча. Выкатывают на середину кресло из комнаты Кистера. Вносят Андрея, кладут на это кресло. Агния держит его за голову.

п. Гельбах. (приходит в себя, понимает вдруг все, что произошло, берет Андрея за руку). Брат мой!

Андрей. Какое счастье. Агния, пастор . . . я умираю среди вас.

Мария (в экстазе, а может быть она просто сходит с ума). Тише . . . тише . . . смотрите. . . *Цветное отражение особенно ярко на белой стене, оно трепетно и кажется живым. Пастор, Агния, Андрей смотрят туда же, куда и Мария.*

п. Вернер. О позор, позор! В Божьем доме один убийца и один безумец!!!

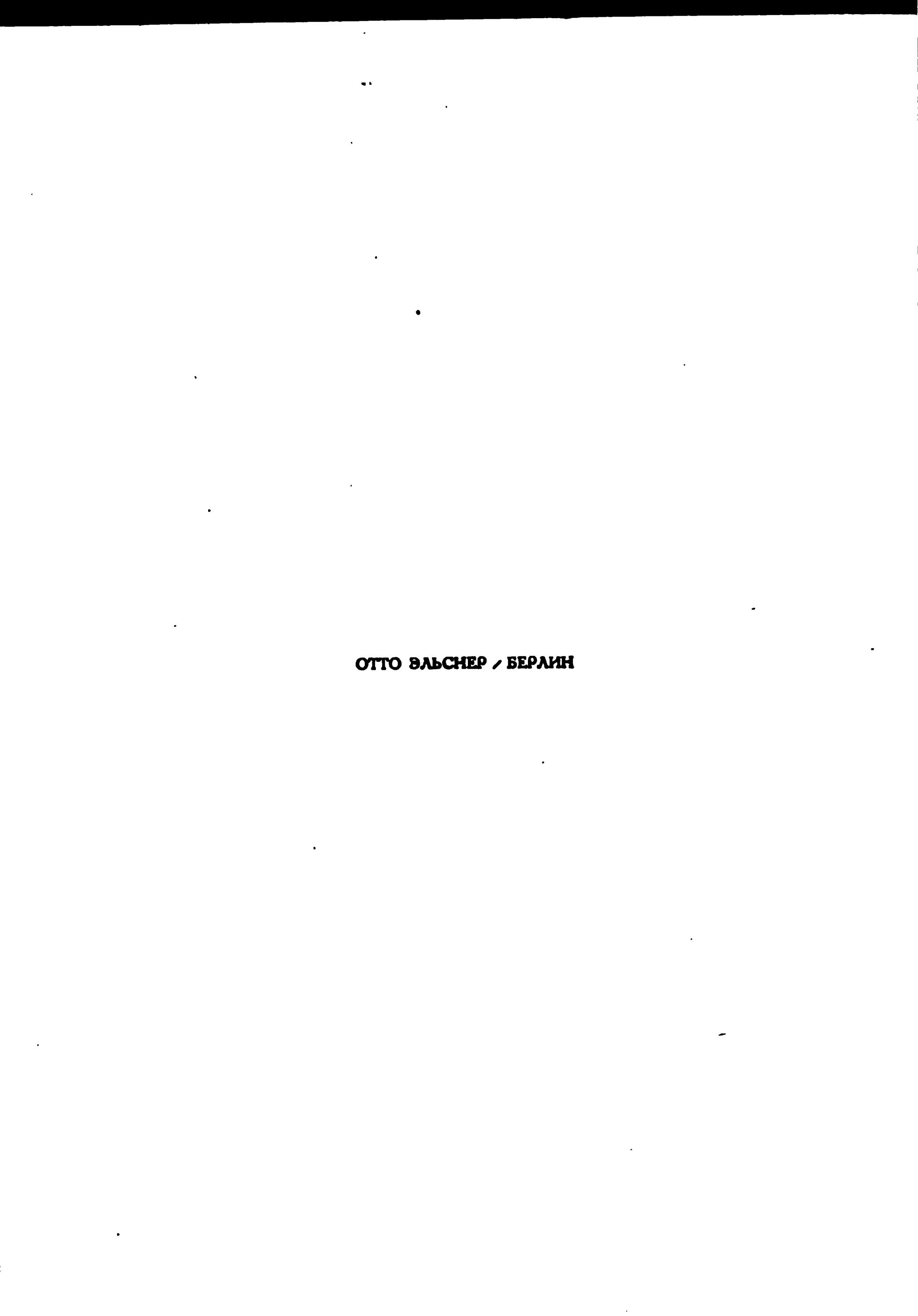
(Отражение на стене доходит до дверей и вдруг исчезает.)

Мария (тихо опускается на колени, вытянув руки, как Мария Магдалина в картине Иванова). — Равви. . .

Ольга Форш.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ
ЭЛ ЛИСИЦКОГО

Отто Эльснер, Берлин

OTTO ЭЛЬСНЕР / БЕРЛИН

